

Российский государственный гуманитарный университет

Центр типологии и семиотики фольклора

**Проблема жанров / жанровых границ
в фольклоре**

Материалы

Всероссийской научной конференции
в формате круглого стола

Москва, РГГУ, 23 апреля 2026 г.

Москва

2026

УДК 398

ББК 82.0

П 78

Составитель и редактор

М.В. Гаврилова

П 78

Проблема жанров / жанровых границ в фольклоре. Материалы Всероссийской научной конференции в формате круглого стола (Москва, РГГУ, 23 апреля 2026 г.) / Сост. и ред. М.В. Гаврилова. М.: РГГУ, 2026. 20 с.

© Коллектив авторов, 2026

© М.В. Гаврилова, составление, 2026

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2026

Оглавление

<i>Белодедова М.Г.</i> «А там тунгос прячется»: фольклорный персонаж на границе жанров.....	3
<i>Веселова И.С.</i> Фигура повествователя: жанровый репертуар и жизненный опыт.....	4
<i>Гаврилова М.В.</i> «Дети в подвале играли в ковид...»: трансформации жанра садистского стишка во время пандемии.....	5
<i>Елизаров Н.О.</i> Полет <i>ratio</i> в христиано-мусульманской полемике: от теологии до секулярной фольклоризации жанра.....	6
<i>Зислин И.М.</i> Диагноз как загадка. К постановке проблемы.....	7
<i>Каяниди Л.Г.</i> Структурно-семиотические особенности жанра анекдотических сказок (на материале сказочных типов СУС 1536, 1537).....	8
<i>Коровина Е.В.</i> Вставные «бессмысленные» элементы в «Повести о нишанской шаманке» и их параллели.....	9
<i>Королёва С.Ю.</i> Прозаические жанры погребально-поминального фольклора: к проблеме классификации.....	10
<i>Кундозерова М.В., Косырева С.В.</i> Карельская легендарная руна: специфика жанра.....	11
<i>Мамонова С.К.</i> Жанровые механизмы конструирования невозможного в фольклорном тексте.....	12
<i>Панюков А.В.</i> Быличка и бывальщина: еще раз о жанровых границах.....	14
<i>Сметанина М.М.</i> Причитание и воспоминание: взаимодействие речевых жанров в рамках одного высказывания.....	15
<i>Петров Н.В.</i> Машина производства реальности: от эмпирического субстрата к доксе в фольклорном нарративе.....	16
<i>Черванёва В.А.</i> Мифологический меморат и фабулат: к вопросу о критериях жанровых разделений.....	17

Белодедова Маргарита Геннадьевна
аналитик Центра научно-исследовательской работы
Департамента научной деятельности РГГУ, Москва

«А там тунгос прячется»: фольклорный персонаж на границе жанров

Тунго – персонаж ненецкого фольклора. Он появляется в разных жанрах: в эпических песнях он представлен как иноэтничный антагонист, в мифологических рассказах, запретах и предписаниях – как пугающий персонаж актуальной мифологии. При этом происходит взаимовлияние и заимствование различных черт персонажа, их перетекание из жанра в жанр – в эпических песнях иноэтничность героя может дополняться отсутствием сердца, наличием покрывающей тело шерсти, огромным ростом, нечеловеческой силой и сверхъестественными способностями, а в мифологических рассказах вместо персонажа низшей мифологии, который вредит людям, может появиться «чужак», представитель другой этнической группы.

В дополнение к этому, с конца 1970-х гг. *тунго* наравне с некоторыми фольклорными персонажами других традиций оказывается вписан в гоминологический дискурс поиска сообщений о встречах со «снежным человеком» в истории. Энтузиасты-гоминологи считают, что мифологические рассказы о лешем, нюлэсмурте, чучуне и т.п. являются попыткой осмысления встреч со «снежным человеком». Собирая мифологические рассказы в собственных полевых исследованиях, они уже имеют устоявшийся образ, сложенный из набора атрибутов фольклорных персонажей разных традиций и представлений о «реликтовом гоминоиде» [Неклюдов 2022].

В докладе будет проанализирован образ персонажа, актуальный для разных жанров ненецкого фольклора: эпических песен ярабц, личных песен, шаманских песен, мифологических рассказов, запретов и предписаний, а также будет рассмотрено влияние на него гоминологического дискурса. Существование *тунго* на стыке нескольких жанров позволяет обозначить точки пересечения и взаимовлияния разных нарративных схем – образ персонажа низшей мифологии, эпического врага, представителя иноэтничной группы, его характеристики и связанные с ним мотивы накладываются друг на друга и, появляясь в текстах разных жанров, актуализуются в соответствии с жанровыми рамками, обстоятельствами коммуникативной ситуации и потребностями собирателя и исполнителя.

Литература

Неклюдов 2022 – Неклюдов С.Ю. Воскрешение неандертальца и легенда о «снежном человеке» // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 25–50.

Веселова Инна Сергеевна
кандидат филологических наук
доцент СПбГУ, Санкт-Петербург

Фигура повествователя: жанровый репертуар и жизненный опыт

К принятым в фольклористике текстуальному и коммуникативному аспектам понимания жанра может быть добавлен феноменологический подход. В фокусе внимания последнего оказывается исполнение фольклорного произведения в контексте «жизненного мира» говорящего. Применение множественных подходов позволяет обнаружить сложный рисунок взаимосвязи жанровых компетенций и жизненного опыта исполнителя.

Не секрет, что разные рассказчики могут произнести очень близкие по поэтике произведения, но решить при этом совершенно разные коммуникативные задачи. Одними и теми же словами с похожими огласовками можно укладывать ребенка спать, лечить болезни или развлекать публику. Один и тот же сказочный сюжет (например, Медведь на липовой ноге: приходит в избу старика и старухи за своей отрубленной лапой, поет о том, чтобы ему вернули ее, СУС 161А* = АА *161 = АТ 163В) в разных «устах» и адресованный разным «ушам» развивается и заканчивается то хорошо, то плохо для главного героя и тем самым решает отличающиеся иллюкутивные установки (научить / напугать / развлечь). Классические жанровые концепции (указания сюжетов или мотивов) не всегда помогают представить уникальность исполнения. При подготовке к публикации текстов близких в текстуальном отношении жанровых форм (сказок, произведений устной достоверной прозы, песен) мы группировали их по исполнителям, а также дополнительно комментировали варианты, указывая межжанровые корреляции и репертуар отдельных людей или семей. В корпусе устной достоверной прозы, представленной по репертуарам исполнителей, к привычным фольклористическим характеристикам рассказов по сюжетам и мотивам мы также добавили маркер, названный «жизненная ситуация». Он показывает, с каким значимым или критическим моментом в жизни человека связана «сверхъестественная» встреча. Рассказчики, которых мы между собой называли «топовые» (прежде всего те, которые рассказали несколько десятков рассказов), чаще всего оказываются компетентными не только в устной прозе. Мы видим у мастеров устного рассказа разнообразие освоенных текстопорождающих моделей (сюжетов, мотивов, модусов достоверности), активное использование ассортимента мелодических и парафонетических средств, точность настройки коммуникативных целей под адресата и знакомство с широким реестром «жизненных ситуаций».

Гаврилова Мария Владимировна
кандидат филологических наук
научный сотрудник УН ЦТСФ РГГУ;
старший научный сотрудник ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва

**«Дети в подвале играли в ковид...»:
трансформации жанра садистского стишка во время пандемии**

Садистские стишки – фольклорный жанр, чрезвычайно популярный в 1970–2000-е гг. в молодежной и детской среде. По оценке А.Ф. Белоусова, к 1998 г. количество сюжетов садистских стишков насчитывало порядка четырех сотен. Из-за наступления эры интернет-фольклора «классический» репертуар городского детского устного народного творчества заметно обеднел, и садистские стишки не стали исключением. Однако это не значит, что они полностью потеряли актуальность. В 2020 г. во время пандемии COVID-19 в русскоязычных социальных сетях распространялись поэтические тексты о коронавирусе, созданные по модели «классических» садистских стишков, часто с использованием формул из наиболее известных текстов («Дети в подвале играли...», «Маленький мальчик нашел...»).

В докладе представлены результаты анализа 121 стихотворного текста о пандемии. «Черный» юмор старых и новых садистских стишков рассматриваются в свете концепций А. Дандеса, Б. Эллиса и Э. Оринга. Коронавирусные стишки сравниваются, с одной стороны, с «классическими» образцами, а с другой – с тематически и функционально схожими «черными» шутками в англоязычном фольклоре, распространяемыми как онлайн, так и офлайн.

В литературе, посвященной мрачному юмору, описаны несколько его разновидностей: «тошнотворные шутки» (sick jokes), «юмор висельника» (gallows humor) и «шутки о катастрофах» (disaster jokes) – они могут быть представлены в текстах в разных пропорциях, что и формирует своеобразие юмористической составляющей того или иного жанра. По ряду ключевых жанровых характеристик новая разновидность садистских стишков заметно отличается от своего прообраза. Анализ материала показывает, что, несмотря на поверхностное сходство и заимствование формул «классических» садистских стишков, коронавирусные тексты потеряли ключевые жанровые признаки и превратились в шутки с другим субъектом, объектом осмеяния и функцией. В докладе рассматриваются эти отличия и причины изменения жанра садистского стишка в интернет-среде. В нем также предпринимается попытка объяснить, почему жанр садистских стишков реактуализировался время пандемии, кем были авторы и распространители этого вида творчества, и какие сообщения они таким образом транслировали.

Елизаров Николай Олегович
магистрант УН ЦТСФ РГГУ;
лаборант-исследователь Института Востоковедения РАН, Москва

**Полет *ratio* в христиано-мусульманской полемике:
от теологии до секулярной фольклоризации жанра**

В докладе представлен анализ эволюции религиозных полемических текстов, которые можно рассматривать как источники фольклора. Основное внимание уделяется исламо-христианской полемике, однако сходные тенденции, вероятно, можно выявить и в других межрелигиозных дискуссиях – как внутри авраамической традиции, так и за ее пределами: в спорах с не-авраамическими религиями, а также с атеизмом.

Материалом исследования послужили классические тексты христианской полемики против ислама и видео современных апологетов на Youtube (в частности, блогера Дэвида Вуда и его канала Apologetic Roadshow).

По сравнению с житийной литературой, полемические сочинения имели более узкое назначение. Жития активно использовались в проповеди для мобилизации верующих, а полемика была сосредоточена на философско-догматических вопросах, из-за чего она могла выполнять проповеднические функции весьма ограниченно. Промежуточной формой между двумя жанрами было «анти-житие» Мухаммеда. Первым автором такого текста стал Иоанн Дамаскин. В книге «О ста ересях» он вкратце представил первый христианский нарратив о Мухаммеде, опираясь лишь на исламские источники. Более поздние авторы латинских полемических текстов не могли сравниться с ним в добросовестности работы с источниками, «примешивая» в биографию внешние анти-исламские предания, однако они ставили своей первоочередной задачей критику ислама через наиболее важные для него сюжеты.

Современная христианская апологетика демонстрирует смещение полемического фокуса: вместо центральных догматических сюжетов выделяются периферийные элементы исламской ортодоксии (например, хадис о племени аз-Зутт). Эти тенденции можно объяснить через сравнение критики сюжета о чудесном ночном полете Мухаммеда в Иерусалим. Средневековые тексты, например, «Против закона сарацин» (*Contra legem Sarracenorum*), обличали в нем противоречия самой исламской доктрине, а современные христианские авторы апеллируют к «здравому смыслу». Этот переход от *ratio theologica* к *ratio saecularis* кардинально изменил жанр религиозной полемики, превратив его в собрание фольклорного репертуара.

Зислин Иосиф Мейерович
психиатр, независимый исследователь, Иерусалим, Израиль

Диагноз как загадка. К постановке проблемы

Известный тезис о значимости загадки как способе понимания и освоения мира (см. [Топоров 1994: 10–117]) можно развить по-новому, приняв положение, что любой медицинский диагноз допустимо рассматривать как текст загадки, а сам процесс постановки диагноза – как частный случай нахождения отгадки.

Используем для анализа следующее рабочее определение: загадка есть двусоставная языковая единица, левая часть которой состоит из необозначенного (X) образа и пучка его признаков (мотивов), а правая – из единого определенного признака (мотива, денотата), где левая и правая части объединены каузацией, задающей вопрос.

Условно выделим два типа загадок: 1) загадка фольклорная, где отгадка предшествует загадыванию и 2) загадка «жизненная», где ответ заранее принципиально неизвестен самому загадывающему / вопрошающему, и отгадка должна быть найдена. В отличие от загадок фольклорных, отгадка здесь следует за загадкой и, что не менее важно, автор каузации часто или неизвестен, или не существует в принципе (природа, высшие силы, демиург и т.п.), а каузация должна быть обоснована отгадывающим. Диагностическая загадка при таком подходе может быть отнесена к загадкам второго типа.

Используя данное определение, сделаем следующий шаг – рассмотрим диагноз, применив типологию текстов, предложенную И. Ревзиным [Ревзин 1975: 77–91]. В своей работе на основании выделения двух классов термов и предикатов он определяет четыре типа текстов. Применение этого подхода позволяет зафиксировать четыре вида медицинских диагнозов, соответствующих четырем типам текстов на основании критериев простоты / непростоты термов (симптомов) и упорядоченности / неупорядоченности предикатов.

На следующем этапе мы можем рассмотреть диагностическое поведение врача как попытку (успешную или неуспешную) параллельного решения сразу нескольких типов загадок – поведенческой, вербальной, генетической, ольфакторной и др. При этом гиперсемиотизация является одним из ведущих механизмов в процессе постановки диагноза.

Такой подход позволяет вычленил несколько типов диагностических загадок – идиотская, поведенческая, ситуативная (с двумя ее подвидами: абсолютно ситуативная загадка и относительно ситуативная загадка).

Зеркальным вариантом диагностической процедуры в таком случае является процесс самодиагностики, т.е. автозагадывание. В нашей классификации самодиагностика может быть отнесена к промежуточному типу загадок, находящемуся между загадкой фольклорной и загадкой жизненной.

Литература

- Ревзин 1975 – *Ревзин И.И.* «К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (анализ сказки и теория связности текста» // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975.
- Топоров 1994 – *Топоров В.Н.* Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Вып. 1. Москва., 1994.

Каяниди Леонид Геннадьевич
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературы и журналистики,
Смоленский государственный университет, Смоленск

Структурно-семиотические особенности жанра анекдотических сказок (на материале сказочных типов СУС 1536, 1537)

Общие структурно-семиотические признаки анекдотических сказок были сформулированы Е.М. Мелетинским. К ним относятся: 1) абсурдная парадоксальность содержания, при которой нарушения нормы становятся источником комизма; 2) протагонист анекдотической сказки – плут, хитрец, его антагонист – одурачиваемый простака; 3) отсутствие антитезы предварительного и основного испытания; 4) утверждается такая структура сюжета: недостача – трудные задачи – их решение – идентификация героя.

Структурно-семиотический анализ сказочных типов СУС 1536 и 1537 позволяет установить, что в анекдотической сказке структура сказки волшебной, композиционная, актантная, семантическая, может сохраняться целиком, в том числе предварительное испытание. Однако эта система перестраивается путем рекомбинации ее составных элементов. Система бинарных блоков сохраняется, но как бы в сотрясенном состоянии, в котором отдельные блоки могут накладываться друг на друга (блок недостачи – на предварительное испытание, подвох и пособничество – на предписание и исполнение). Система актантов тоже сохраняется, однако их функции одновременно адресуются разным действующим лицам: один персонаж совмещает в себе роли как героя, так и

(мнимого) вредителя, и (мнимого) помощника; другой – как вредителя, так и (мнимого) героя и т.д. Еще Пропп отмечал свойственный сказке синкретизм актантов, однако наблюдаемое в анекдотических сказках наложение актантных ролей выходит за границы «допустимого» в волшебной сказке. Структурно-семиотическое исследование действующих лиц волшебной сказки, предпринятое Е.М. Мелетинским, С.Ю. Неклюдовым, Е.С. Новик и Д.М. Сегалом, выявило такое их свойство, которое можно назвать пластичностью или лабильностью: помощник может представлять как даритель и искомый персонаж; вредитель – как даритель и искомый персонаж и т.д. В анекдотической сказке мы сталкиваемся не с пластичным синкретизмом актантных ролей, а с их алогическим комбинированием, осмысленность которому придается только с помощью категории мнимости. Семантические оппозиции тоже сохраняются, но одни могут быть облечены в покровы других: доминирование младшего над старшим комически маскируется под доминирование человеческого над нечеловеческим.

Коровина Евгения Владимировна
младший научный сотрудник,
Институт Языкознания РАН, Москва

Вставные «бессмысленные» элементы в «Повести о нишанской шаманке» и их параллели

Тексты камланий нишанской шаманки имеют ярко выраженную структуру: они начинаются и заканчиваются элементами, не имеющими значения в обычном маньчжурском языке, например, *эйкулэ екулэ*, *хогэ ягэ* и т.д. Эти же элементы повторяются раз в несколько слов в самом камлании, что порождает определенный ритмический рисунок. Помимо речи шаманки, таким образом оформляется и речь других персонажей Повести. Интересно отметить, что в разных изданиях этого текста как сами эти слова, так и то, как они употребляются в тексте, существенно различаются.

В докладе предполагается, во-первых, рассмотреть особенности употребления этих элементов в тексте Повести. С другой стороны, цель доклада – продемонстрировать, что данная особенность не является уникальной для этого произведения, а является распространенной чертой восточносибирских эпических текстов (например, эвенкийских и эвенских), в которых она иногда редуцируется только до открывающего и закрывающего элемента. Вне этого региона и жанра, как представляется, данная конструкция сравнительно редка. Исключение могут составить так называемые «поэтические» гласные в различных песенных традициях, но, в отличие

от рассматриваемой особенности, эти «поэтические» элементы обычно более стандартизованы и менее протяженны.

Королёва Светлана Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь
основной исполнитель Отдела реализации внебюджетных
проектов, Институт славяноведения РАН, Москва

Прозаические жанры погребально-поминального фольклора: к проблеме классификации

Традиционные ритуалы похоронного и поминального циклов обслуживаются целым рядом фольклорных жанров, как «больших» (причитания, поминальные духовные стихи), так и малых, обычно относимых к приговорам. Сюда же можно отнести небольшое число фольклоризованных поминальных молитв, исполняемых в составе домашних поминальных служб или отдельно от них. На характеристики этих небольших по объему прозаических текстов влияет целый ряд факторов, в том числе соседство с более каноническими церковно-книжными формами – причем в ситуациях как устного (домашняя лития), так и письменного бытования (рукописные поминальные тетради). Являясь частью «погребальной риторики» (Д. Дуглас), малые жанры похоронно-поминального фольклора функционируют и сегодня, они фиксируются исследователями и вводятся в научный оборот, в связи с чем встает вопрос об их систематизации и более точной жанровой классификации. В докладе будет предпринята попытка сделать это на материале ряда (микро)локальных русских традиций, бытующих в Коми-Пермяцком округе; для сопоставления привлекаются и аналогичные коми-пермяцкие русскоязычные произведения.

Исполнение интересующего меня круга текстов представляет собой коммуникативную ситуацию (и / или конструируется как коммуникация со сверхъестественными субъектами), в связи с чем для определения жанровых особенностей этих текстов естественно привлечь инструментарий коммуникативной лингвистики (Р. Якобсон) и теории речевых жанров (Дж. Серль, Дж. Остин и др.). Такой подход отнюдь не нов, в фольклористике и этнолингвистике он уже показал свою продуктивность, прежде всего при изучении народной демонологии (работы А. Энгелькинг, С.М. Толстой, Е.Е. Левкиевской, В.А. Черванёвой и др.). В докладе этот

опыт будет распространен и на иной круг текстов, имеющих различный генезис, но объединенных мифо-ритуальным контекстом «коммуникации с умершими». Предполагается представить типологию таких ритуальных ситуаций, выделить основных субъектов (адресантов) и адресатов ритуального сообщения, определить виды иллокутивной направленности и используемые речевые жанры, выявить задействованные при этом устные формулы и разного рода элементы «вторичных» жанров.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00484-П «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Кундозерова Мария Владимировна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Косырева Светлана Витальевна
кандидат искусствоведения, доцент
старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Карельская легендарная руна: специфика жанра

Доклад посвящен проблеме жанровой дифференциации карельской рунической поэзии на примере анализа особой группы вариантов – рун христианской тематики. Их сюжеты строились вокруг жизни Девы Марии и жизни, смерти и воскресения ее сына – Иисуса Христа. По содержанию и форме легендарные руны традиционно для филологической фольклористики относятся к рунам эпическим (к которым подчас причисляются и балладные руны, и лирические, и эпико-заговорные, и исторические и пр.).

Сведений о способах и контексте исполнения легендарных рун сохранилось очень мало. Они бытовали в Карелии преимущественно в женской среде. Их исполняли на рунические типовые напевы, а в Южной Карелии, согласно редким упоминаниям, могли сказывать также монотонным речитативом, в стиле карельского духовного стиха. Легендарные руны выполняли апотропеическую функцию (магическая защита дома) и функцию молитвы (исполнение в контексте похоронного обряда).

Сам термин «легендарная руна» (фин. *legendaruno*) в отечественных работах практически не употребляется. Исключение составляют работа Э.Г. Карху, в которой он называл легендарные руны «песнями-легендами» [Карху 1978: 34, 38], и сборник избранных песен рунопевческого рода Перттуненов (где раздел с рунами христианской эпикки озаглавлен «Легенды») [Киуру, Лавонен 1985]. Обоснованность выделения / невыделения жанра легендарных рун из корпуса эпических рун стало задачей данного исследования, осуществленного на стыке фольклористики и этномузыкологии.

В ходе работы проанализированы рукописные и аудио- записи рун христианской тематики, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН, Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН и Фольклорном архиве Финского литературного общества г. Хельсинки.

Литература

Карху 1978 – *Карху Э.Г.* От рун к роману. Петрозаводск, 1978.

Киуру, Лавонен 1985 – Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э.С. Киуру, Н.А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1985.

Мамонова Светлана Константиновна
аспирант, специалист по УМР, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Жанровые механизмы конструирования невозможного в фольклорном тексте

Понятия «немыслимого», «невозможного», «фантастического» применительно к текстам различных фольклорных жанров, как правило, употребляются в обыденном смысле слова, т.е. невозможным признается все, что не может происходить или существовать в действительности. Так, в качестве основополагающего параметра для жанра сказки А.И. Никифоров выделял именно «необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские)» [Никифоров 2008]. П.Г. Богатырев рассматривал «формулы невозможного» как специфический художественный прием, который встречается в текстах, имеющих совершенно разную жанровую природу: в заговорах, балладах, паремиях. Однако, как показали исследования Т.А. Агапкиной, Н.Е. Котельниковой, Л.В. Виноградовой, в лечебных и мифологических текстах формулы невозможного выполняют не столько эстетическую, сколько магическую функцию [Агапкина 2010; Котельникова 2015; Виноградова]. Анализ фольклорных текстов, в которых возникают образы и мотивы, связанные с невозможным, немыслимым, абсурдным, заставляет сделать предположение о том, что разные

жанровые парадигмы дают разный набор логико-семантических возможностей для конструирования того, что мыслится как невозможное: к примеру, время сказочного / мифологического повествования часто относится к тому периоду, когда те или иные природные объекты имели свойства, которые сейчас для них невозможны (см. формулу из сказок румынских татар: «В далекие времена, когда решето было соломенным, когда ласточка была судьей, когда жаворонок стариком был, когда просо росло на горах и косили его молнией; когда пшеница росла на льду и косили ее громом» [Рошияну 1974: 48]); аналогичный образ встречается и в восточнославянских заговорах, только уже в качестве формулы невозможного, направленной на обеспечение действенности магического текста («На горе Сиянской, там турки песок орали, сеяли, бороновали. Як тому песку не росты, не цвесты, так и р.б. не болеть и не гореть» [Агапкина 2010: 174]).

В докладе на примере мотива «птичье молоко» (N27A, N27B, N27C по указателю Ю.Е. Березкина) мы рассмотрим, какое оформление абсурдное, невозможное в действительности явление получает в различных жанровых парадигмах: если в текстах, предполагающих воспроизведение нормальной, упорядоченной структуры мироздания (например, в заговорах и загадках), возможность птицы давать молоко прямо декларируется как нечто, противоречащее естественному порядку вещей, то в сказках этот образ амбивалентен: с одной стороны, птичье молоко – знак изобилия, богатства, роскоши («Отпраздновали они пышную свадьбу, там было великолепное угощение, и даже птичье молоко!» [Курдованидзе 1988: 114]); с другой стороны, в русских сказках-небылицах образ дойных кур возникает как маркер абсолютной бедности героя (см. сюжет 1930А* «Богатые люди»).

Литература

- Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.
- Виноградова 2024 – *Виноградова Л.Н.* «Невозможное — немыслимое — абсурдное»: образы перевернутого мира в апотропейной и отгонной магии // *Живая старина.* 2024. № 4. С. 2–5.
- Котельникова 2015 – *Котельникова Н.Е.* Формула невозможного в русских фольклорных рассказах о кладах // *Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора / Отв. ред. С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева.* М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 190–198.
- Курдованидзе 1988 – *Курдованидзе Т.Д.* Грузинские народные сказки. М.: Наука, 1988. Кн. 1.
- Никифоров 2008 – *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник / Сост. Е. А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008.
- Рошияну 1974 – *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказок. М.: Наука, 1974.

Панюков Анатолий Васильевич
кандидат филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник сектора фольклора
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Быличка и бывальщина: еще раз о жанровых границах

Благодаря работам Э.В. Померанцевой за двумя типами текстов устной народной прозы – меморатом и фабулатом – в отечественной фольклористике были закреплены термины «быличка» и «бывальщина», подчеркивающие их эволюционную взаимосвязь. Процесс фабулизации меморатов мистического содержания стал рассматриваться как естественный этап их эволюции: «“Меморат” → “фабулат” → “фикт” (сказка) – это историко-типологические стадии развития фольклорного вымысла» [Разумова 1993: 104].

Сегодня уже очевидно, что ни один из критериев, взятых за основу разделения демонологических нарративов на былички и бывальщины (степень достоверности, личный или чужой опыт, степень развернутости сюжета, степень вымысла и т.п.), не может быть назван жанроопределяющим. Из этих же соображений сегодня общеприняты варианты «быличка-меморат» и «быличка-фабулат», рассматриваемые как две разновидности бытования одного жанра – сюжетного нарратива, являющегося основной формой трансляции актуальных мифологических представлений.

Наша концепция построена на выявлении лингвокреативных возможностей языкового сознания носителей повествовательной традиции. В языке все время возникают новые семантические связи, которые не могут не отражаться в фольклоре. В русле идей о предикативной сущности языка речь может идти о внутриязыковых (виртуальных, потенциальных) предикациях, возникающих в ходе семантизации происходящих в языке процессов. Эти предикации имеют смысл, но не имеют коммуникативной направленности. При возникновении соответствующего контекста эти предикации, образно говоря, «события языка», могут актуализироваться и разворачиваться в нарративные синтагмы (в «язык событий»). Заложенные в этих языковых предикациях смыслы противопоставляются исходному речевому значению как «другая» реальность, которая, в соответствии с традицией, получает мифопоэтическое наполнение. Так, в результате работы языка «под мифологию» возникают новые мемораты (былички). Ожидаемо, что возможен и обратный процесс, когда уже бытующие фольклорные сюжеты работают «под язык», закрепляя происходящие в языке семантические сдвиги. Так возникают суеверные фабулаты (бывальщины), создающие уже совсем иную художественную реальность.

Литература

Разумова 1993 – *Разумова И.А.* Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993.

Сметанина Мария Михайловна
студент бакалавриата, СПбГУ, Санкт-Петербург

Причитание и воспоминание: взаимодействие речевых жанров в рамках одного высказывания

Работа посвящена изучению причитания и воспоминания как речевых жанров, обслуживающих сферу памяти и говорения об умерших. Рассматривается фрагмент полевого интервью с Минаевой Венерой Михайловной 1935 г.р., уроженкой и жительницей деревни Заозерье Мезенского района Архангельской области. Внимание сосредоточено на исполнении информанткой причитания ее матери по мужу, погибшему на фронте. Причитание, мотивированное исключительно потребностью в высказывании горя, считается поминальным, что подтверждается текстом нашего плача. Функция первичного исполнения – психологическая разгрузка и оплакивание мужа.

Цель, которую преследует вторичная исполнительница, сильно отличается: это рассказ собирателям о матери-причетнице, ее мастерстве и тяжелой судьбе. Несмотря на то, что каждое высказывание индивидуально, Венера Михайловна осмысляет это причитание именно как принадлежащее ее матери, а ею самую только воспроизводимое. В интервью причитанию предшествует рассказ о жизни семьи в военное и послевоенное время. Композиционный стержень этого нарратива – периодические причитания матери на крыльце дома по вечерам. Все остальное – рассказ об условиях жизни и труда, количестве иждивенцев, пенсии – контекст, призванный объяснить мотивировку маминого плача. Венера Михайловна не только приводит плач матери, но и осмысляет его как явление, рефлексировать над первичным исполнением.

Высказывание Венеры Михайловны состоит из воспоминания-нарратива и причитания, но должно быть воспринято как целое. Для «целого» ее высказывания смысловой доминантой является воспоминание. Причитание мы можем воспринимать как часть воспоминания, предполагая, что один речевой жанр встраивается в другой, начинает служить исполнению его функций. Вторичное исполнение уже не связано с выплакиванием горя говорящей. Но причитание требует сочувствующего слушателя, предполагает обращение к умершим дорогим людям – ввиду этого можно предположить, что связь с поминанием содержится в причитании как в жанре.

В таком случае остается вопрос: в рассматриваемом высказывании причитание, подчиненное воспоминанию, теряет свой специфический функционал и остается только как форма, цитата – или сохраняет функцию поминания, оплакивания, но происходит перенос, изменение объекта, и Венера Михайловна оплакивает не мужа, как диктует текст плача, а первичную исполнительницу, свою мать.

Петров Никита Викторович
кандидат филологических наук
заведующий ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС;
доцент УН ЦТСФ РГГУ, Москва

**Машина производства реальности:
от эмпирического субстрата к доксе в фольклорном нарративе**

В докладе предлагается пересборка классических жанровых подходов к фольклорным нарративам через связку трех понятий: имманентной истины, эмпирического субстрата [McDowell 1995] и интертекстуального зазора [Briggs, Bauman 1992]. Под эмпирическим субстратом я вслед за Дж. Макдауэллом понимаю пласт переживаемого опыта, в котором событие задано как «то, что действительно было», что тем самым задает исходную онтологическую и эпистемическую рамку для последующей текстуализации. Интертекстуальный зазор, по Ч. Бриггсу и Р. Бауману, напротив, возникает в момент соотнесения единичного пережитого опыта с жанровыми канонами и позволяет увидеть, как конкретное высказывание отстраняет, переупаковывает и переоценочно присваивает традицию.

Опираясь на модель устного личного нарратива У. Лабова [Labov 1972] (прежде всего на компонент оценки как ядро коммуникативной «точки» рассказа), я рассматриваю, как индивидуальный опыт конструируется в качестве ресурса символического авторитета рассказчика. В этом процессе важна риторика истины по Э. Орингу [Oring 2008] – набор тропов и дискурсивных ходов, через которые нарратив предъявляется как правдоподобный и заслуживающий доверия. Вслед за Ч. Бриггсом и Р. Бауманом я рассматриваю интертекстуальный зазор между единичным высказыванием и жанровыми моделями как пространство производства доксы – самоочевидного знания о реальности, не требующего внешней верификации.

В докладе будет предложена модель постепенного смещения от мемората к легенде как траектории усиления жанрово опосредованного режима истинности: от минимальной опоры на «то, что я видел сам» через коллективно разделяемые сценарии

сверхъестественного к нарративам, где истинность закрепляется не референцией к опыту, а принадлежностью к канонической форме.

Отдельное внимание будет уделено тому, как эти механизмы работают в современных режимах конструирования правдоподобия – в нарративах религиозного опыта, конспирологических и альтернативно-реалистических текстах. Я покажу, как комбинация эмпирического субстрата (фигурирующего в виде пережитых видений, «свидетельств» или инсайдерского знания), риторики истины и метапрагматических рамок позволяет производить фигуру эксперта-очевидца и закреплять специфические режимы доступности реальности для аудитории.

Таким образом, фольклорный нарратив предстает как машина по производству реальности. Такой нарратив не только репрезентирует собственный опыт рассказчика, но и задает, какие формы опыта считаются легитимными, кому принадлежит право говорить о «реальном» и какие жанровые конфигурации делают эти притязания устойчивыми.

Литература

- Briggs, Bauman 1992 – *Briggs Ch. L., Bauman R.* Genre, intertextuality, and social power // *Journal of Linguistic Anthropology*. 1992. Vol. 2. No. 2. P. 131–172.
- Labov 1972 – *Labov W.* The transformation of experience in narrative syntax // *Labov W.* *Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 354–396.
- McDowell 1995 – *McDowell J.H.* Immanence and immanent truth // *Journal of Oral Tradition*. 1995. Vol. 10. No. 2. P. 235–262.
- Oring 2008 – *Oring E.* Legendry and the rhetoric of truth // *Journal of American Folklore*. 2008. Vol. 121. P. 127–166.

Черванёва Виктория Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник УН ЦТСФ РГГУ, Москва

Мифологический меморат и фабулат: к вопросу о критериях жанровых разделений

Мифологические рассказы, извлекаемые из контекста ситуации беседы, весьма неоднородны в различных отношениях: среди них есть тексты, которые выглядят как свидетельское показание, и к ним, кажется, сложно применить даже термин «быличка»,

скорее это личные спонтанные высказывания на мифологическую тему, хотя в их содержании довольно легко вычлняются традиционные мифологические мотивы, и есть тексты традиционные не только по содержанию, но имеющие довольно устойчивую формальную структуру и клишированные вербальные элементы в своем составе. В обоих случаях, как кажется, действует установка на достоверность, однако именно в текстах второго типа наблюдается движение в сторону другой жанровой формы (ср.: «Меморат» → «фабулат» → «фикт» (сказка) – это историко-типологические стадии развития фольклорного вымысла» [Разумова 1993: 104].

Не ставя вопрос о первичности / вторичности текстов разного типа (превращение спонтанного рассказа о личном опыте в традиционный нарратив в результате многократного повторения и дистанцирования от исходного события¹, или же изначальное осмысление личного опыта в рамках традиционных объяснительных схем и выстраивание личного мемората как традиционного), я предполагаю рассмотреть проблему языковых, формальных критериев различения текстов разных типов.

Лингвистическими маркерами, позволяющими проследить различие между личным высказыванием и традиционным нарративом, выступают средства нескольких языковых уровней: особенности референции (конкретная / неопределенная); дейктические средства (слова, указывающие на участников, время и место ситуации); модальные операторы достоверности; композиционно-речевые формы текста. Для мифологических меморатов свойствен разговорно-речевой режим употребления названных языковых средств (см. [Черванёва 2019; Черванева 2020] и др.). На примере анализа фабулизованных текстов я попытаюсь показать, как мифологический текст, становясь традиционным («фольклорным» в полном смысле слова), «избавляется» от свойств спонтанной речи в устной ситуации непосредственного речевого общения. Прежде всего этого проявляется в построении «параллельного» мира – отстройке от ситуации речи и моделировании хронотопа, не совпадающего и не соотносящегося с местом и временем актуального коммуникативного акта. Осознание этого параллельного мира как «не существующего» или «не существовавшего» в реальности – следующий этап (который не всегда наблюдается).

Продолжая мысль С.Ю. Неклюдова о том, что с волшебной сказки «стоит начинать историю художественной словесности» [Неклюдов 1995: 673], добавлю, что предысторию художественного текста можно увидеть в мифологическом фабулате – именно здесь начинается формирование хронотопа, автономного от ситуации речи, преодоление свойств спонтанной разговорной речи на всех уровнях, формирование повествователя как текстовой категории, не совпадающего с говорящим, отход от свойств модальной системы разговорной речи и приближение к языковым особенностям, наблюдаемым в сказочном тексте.

¹ См. анализ подобного кейса в [Крашенинникова 2015: 199–209].

Литература

- Крашенинникова 2015 – *Крашенинникова Ю.А.* Устные рассказы о заблудившихся в лесу в свете работы П.Г. Богатырева «Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений» // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора / Отв. ред. С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015.
- Неклюдов 1995 – *Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст – денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. [Т.] 1 / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: ИЦ «Гарант», 1995.
- Разумова 1993 – *Разумова И.А.* Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993.
- Черванёва 2019 – *Черванёва В.А.* Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги / Steps. Т. 5. № 2. 2019. С. 36–52.
- Черванева 2020 – *Черванева В.А.* Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 101–114.

Научное издание

Проблема жанров / жанровых границ в фольклоре

Материалы Всероссийской
научной конференции

Составитель и редактор
Гаврилова Мария Владимировна